

норма «Россия — правовое государство» будет опираться на согласовательную модель, то связь отечественной правовой системы с коллективной памятью отечественного гражданского общества будет сильной, граждане станут рядовыми гарантами российской системы права, а основным способом поддержания социального порядка будет государственная совещательно-просветительская практика.

Еще один вывод, который необходимо отметить, состоит в том, что переход на платформу согласовательной модели функционирования правовой системы потребует принятия нового стандарта для раздела, касающегося вопроса о затратах на разработку и имплементацию каждого нового закона. Современные практики обнуляют эти затраты, что характерно для октроированной модели правового государства. Для движения в сторону согласовательной модели российского правового государства необходимо планировать затраты как на публичные согласовательные процедуры, так и на публичные просветительские процедуры (все процедуры также должны быть определенным образом регламентированы законами о системе публичной власти в России). Новые затраты — это и есть цена, которую надо заплатить за интеграцию конституционной нормы, иной нормы права в структуру коллективной памяти российского гражданского общества. Такие затраты представляют собой лишь частный пример инвестиций в социально-гуманитарный бэкграунд отечественной системы конституционализма и одновременно в профилактику, обнуление рисков псевдоконституционализма и рисков влияния «иностранных агентов», в том числе террористического толка, в перспективе XXII века.

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти

В данной статье автор преследует — очертить смысловые границы понятия «право на прошлое» и концептуально соотнести его с понятиями вечного возвращения, памяти и истории.

К прошлому апеллируют чаще всего из-за явного или неявного недовольства настоящим и отсутствия перспектив в будущем. Подобное умонастроение сегодня нередкость, что, без сомнения, закономерно. Существование человека как существа биосоциального и экзистенциального поставлено под угрозу инновационным безумием одних и пассивным принятием этого безумия другими. Отсюда ментальный, по крайней мере, разворот к прошлому. По своему характеру он может быть очень разным: и с искренним стремлением отдать должное прошлому и свои долги, насколько таковое возможно; и с корыстным намерением поживиться его авторитетом. В любом случае неизбежно встает вопрос о праве человека на прошлое.

Вопрос не простой. С очевидностью ясно, что человек имеет право на настоящее, теперешнее — и получает это право сполна, получает и реализует его самим своим существованием в данный момент. Весьма вероятно, хотя уже и не вполне, право человека на ближайшее будущее, в которое неуловимо перетекает настоящее. С отдаленным будущим все заметно пессимистичнее. Ну а с прошлым ситуация запутана до предела. Что вообще означает право на прошлое? Это владение им? Но скорее прошлое само владеет нами. Нынешние наши соображения и поступки во многом детерминированы прежними действиями и давними интуициями, при том что никому и никогда не удавалось сделать бывшее небывшим, несуществовавшим. Может, право на прошлое это распоряжение им, установление в нем своих смысловых порядков? Однако толку от такого своеобразничания немного, как ни усердствуют тут по обыкновению «заказчики-политики» и их дипломированная «обслуга». На потребу переписывать историю можно десятки раз, но человек живет не историей, всегда искореженной идеологией, а памятью (в том числе генетической памятью), до которой официозу дотянуться куда труднее. Может, прошлое надо хранить? Однако каждое мысленное его воспроизведение так или иначе меняет все же смысловую конфигурацию произошедших

некогда событий. Остается, похоже, одно: с прошлым надо жить, как живешь с человеком, отношения с которым не прояснены до конца. И хорошо, кстати, что исчерпывающе не прояснены. Иначе и тот человек, и прошлое перестанут тебя волновать, сделаются безразличными.

Линейная модель времени и событийного ряда, характерная для авраамической религиозной традиции и ее секулярного извода, скрадывает онтологические основания и ценность всего случившегося ранее. Возвращение к нему в мире необратимых процессов возможно только в мыслях, причем в мыслях, падких на спекуляции, податливых к банальной конъюнктуре и никак не дотягивающих до статуса своевременных или несвоевременных. Плоскостная циклическая модель с тривиальным повтором всего и вся, предоставляя, казалось бы, прошлому не сугубо интеллигентные, но куда более прочные подпорки (тиражируется ведь и каждое физическое состояние), на деле, перемешивая временные регистры, напрочь лишает их, в том числе и прошлое, а также зависимую от времени событийность какой бы то ни было ценности. Онтологически и аксиологически фундаментальное обращение к прошлому — как, впрочем, и к настоящему с будущим — требует в качестве концептуального вспоможения неординарной объемной, сферической модели. И она выработана человечеством.

Один из базовых смыслообразов мировой культуры, доверимся здесь интуиции и вкусу Х. Л. Борхеса, закреплена в формуле: *сущее есть сфера, центр которой везде, а окружность нигде*¹. Эта модель пульсара с блуждающим центром и подвижными границами, пришедшая к нам из древности, оказалась эвристически ценной в современном естествознании, прежде всего в астрофизике. Да и хорошо знакомый гуманитариям герменевтический круг — смысловая взаимозависимость текста и его фрагментов и контекстов — это, собственно, и не круг, а опять-таки шар: концептуально энергичная сфера, препятствующая проведению редукционистских процедур, или во всяком случае затрудняющая их. Плоскостной срез шара, то есть окружность, графически символизирует скорее не *понимающий*, а *объясняющий* тип дискурса, который подразумевает подгонку фактов (точек внутри окружности) под определенную неизменную регулярность (граничную линию). Сама же по себе немаленькая сфера, чуть только придать ей объемную динамику, позволяет схватить и выразить уникальность каждой смысловой композиции, ничуть не уступая той же линии в плане демонстрации событийной неповторимости.

Особое место в философии сферы принадлежит Ф. Ницше, который концептуально подбегает к вершинам *вечного возвращения*. Впрочем, эта идея немецкого интуитивиста остается неоднозначно толкуемой в его текстах и порождает немало вопросов. Равносильно все-таки возвращение повторению или же нет? Возвращается-повторяется все подряд либо лишь некоторое, эксклюзивное? Каждая из возможных интерпретаций по-своему привлекательна и берется на вооружение, как правило, конкурирующими стратегиями — сам Ницше предпочитает то ту, то другую, не исключая, видимо, возможность их парадоксального симбиоза. Возвращение всего без разбору — полный повтор, цикл как таковой — делает фрагменты сущего равноценными, выводя их и нас вместе с ними за рамки оцениваемых действий и оценочных суждений к строго объективной реальности. Для корректного описания мира объектов, надо подчеркнуть, оказывается достаточной плоскостная система координат с предметно нанесенной на расчерченное поле окружностью или ее разрозненными фрагментами. Возвращение отдельного, избирательного, культивируя иерархию, предрасполагает к появлению и укреплению позиций субъекта и к формированию ценностной грани сущего. Тут для адекватного описания никак уже не обойтись без объемной оптики.

В ситуации с объектом — скажем, стрелками у часов — возвращение равно повторению. В ситуации с субъектом — скажем, караульным на часах — возвращение повторению не равно: с каждой новой сменой меняются и обстоятельства. Объект возвращается кому-то или к чему-то. Субъект способен возвращаться еще и к самому себе. Это его атрибутивное качество². Мир (сущее) как субъект *вечно*, в буквальном смысле, возвращается к самому себе. Применительно к человеку *вечность* возвращения, естественно, метафорична, что, однако, никак не умаляет значимость концептуально емкой идеи. Мы возвращаемся к себе из инобытийной повседневности от случая к случаю — и притом мгновенно, а мгновение и есть временной слепок с вечности. Важно и другое. Вечность, даже безусловная, ограждает нас от тотального диктата времени, от жесткой

¹ См.: Борхес Х. Л. Сфера Паскаля / пер. с исп. Е. Лысенко. Проза разных лет: сборник. М.: Радуга, 1090. С. 200–202.

² Подробнее см.: Фатенков А. Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20.

зависимости «ранее — позднее»: возвращение мыслями и чувствами к давнему и недавнему вариативно и по затрачиваемым усилиям, и по содержательно-ценностному итогу.

Человеческая память сродни вечному возвращению в самой заманчивой его версии, без редукции возвращения к повтору. То, что «памятью» называют в компьютере, это аппарат повторения и хранилище информации, могущей в идеальном варианте неограниченно накапливаться и воспроизводиться. Человеческая память не автоматизированный склад и хранит не только информацию, но прежде всего совестливые смыслообразы. Она беспокойна, требовательна... и вместе с тем щадяща. Невыносимо помнить все: остроту невосполнимых потерь, скудость мелочных обид и льстивых похвал. Забыванием, фрагментарным конечно, память приходит нам на выручку. В проявлениях своих она не показушна: обитая в лабиринтах сознания, не просится на экран монитора и тусовочный подиум. Демонстративной ее пытается сделать история.

В отличие от памяти история говорлива, плакатно разрисована. Безмолвные пыльные архивы и стерильные спецхраны не должны вводить в заблуждение. Там покоятся исторические останки, ждущие своего помпезного перезахоронения. История с необходимостью нуждается в освидетельствовании, то есть в историографии. Памяти же не требуется дополнительное удостоверение (дневниковая запись настроена уже на исторический дискурс). История, притязая на внешнее признание, всегда готова пожертвовать и сокровенностью, и правдой. Память не отрекается от сокровенного и уживается, хоть и не без ссор, с правдой, они многое прощают друг другу. Не в пример памяти история беспощадна. Лишь немногих в своем сценарии она наделяет собственно субъектной ролью личности, остальным уготовлен статус объективированной массовки.

Историзм как мировоззренческий феномен и профессионально-цеховой инструментарий окончательно складывается в Новое время, в эпоху «смерти Бога» и линейно-прогрессистского ража, когда поклонение объективной закономерности оказалось вперемешку со «все дозволено». Отсюда и вытекающие несообразности. Историю пишут и переписывают победители-временщики. Сравнительное чтение их опусов вызывает горькую усмешку. Возьмем нашу страну. Три ныне живущих поколения учились по концептуально разным учебникам и оперируют некомплементарными историческими смыслами, что явно не добавляет согласия ни в семью, ни в большое общество. Сплачивает людей, по-настоящему сближает не история, а память, хотя она от человека к человеку содержательно уникальна, неповторима. Общая история не гарантирует единой судьбы — не обобщаемая память единой судьбе не препятствует.

История, не уразумевающая шаткость своих онтологических оснований, бесцеремонно предъявляет права на прошлое. Будучи ориентированной на общезначимость, она озабочена не столько прояснением своевременно непроявленных и непроясненных смыслов, сколько подгонкой интерпретируемых фактов под доминирующую на сегодняшний день интеллектуальную парадигму и господствующую идеологию. Память, обладая прочным субъектного толка основанием, не бравирует, тем не менее, правом на прошлое и не бежит от обязанностей перед ним. Память прошлому соперничает.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии

Формирование правосознания в качестве формы общественного сознания представляется достаточно сложной и заслуживающей отдельного исследования проблемой, обратим внимание на отдельные проблемные аспекты в рамках обозначенной темы.

В настоящий период времени вопросы социальной исторической памяти становятся все более актуальными. С ними связаны процессы национальной идентификации, приобретающие сейчас все большее значение. Интенсификация социальных коммуникаций с применением современных цифровых технологий может создавать впечатление о том, что формируется своего рода единая и однородная социальная общность. Но это впечатление иллюзорно. Для того, чтобы в глобальном масштабе сформировалось идентификационное единство, требуется трансляция значимой частью социума одинаковых в общем и целом смысловых значений. При этом очевидно то, что культурно-цивилизационные различия будут сохраняться в современном мире, несмотря